

К 150-летию со дня рождения

ЮБИЛЕЙНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
АКАДЕМИКА Е. В. ТАРЛЕ

Портрет адмирала Федора Федоровича Ушакова.
С портрета художника П. Н. Бажанова. 1912 г.

ТАРЛЕ
ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ

ГЕРОИ РУССКОЙ
ИСТОРИИ

МОНОГРАФИИ,
ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ

МОСКВА

УДК 94(47)
ББК 63.3(4)6
Т20

К 150-летию со дня рождения академика *Е. В. Тарле*

Тарле, Евгений Викторович.

Т20 Герои русской истории. Том 1 / Тарле Евгений Викторович. —
Москва : Эксмо, 2025. — 784 с. : ил.

ISBN 978-5-04-213777-8

Этот том юбилейного собрания сочинений академика Е. В. Тарле составили труды, посвященные героическому прошлому российского военно-морского флота: «Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769—1774)»; «Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800)»; «Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805—1807)» и книга «Город русской славы. Севастополь в 1854—1855 гг.», посвященная Крымской войне и особенно героической обороне Севастополя в 1854—1855 гг. В представленном современному читателю томе разворачивается историческая панорама морских военных экспедиций российского флота — от победы в Чесменском бою, героических морских экспедиций русских моряков на Средиземном море до героической обороны Крыма. Эту историю творили выдающиеся адмиралы и мореплаватели — Спиридов, Ушаков, Сенявин, Лазарев, Нахимов.

Произведения Тарле основаны на изучении редких архивных материалов, благодаря чему ученому удалось распутать сложный клубок противоречий, завязавшийся между европейскими державами на рубеже XVIII—XIX вв. в бассейне Средиземного моря, и определить место и цели России в этой дипломатической борьбе. Работы Тарле стали значительным вкладом в изучение русской военной морской истории, а сам исследователь зарекомендовал себя одним из крупнейших историков российского флота.

Прекрасным визуальным дополнением издания является тщательно подобранный и точно размещенный по ходу повествования документальный иллюстративный материал, представляющий обстоятельства, места и действующих лиц изображаемой эпохи.

УДК 94(47)
ББК 63.3(4)6

© Иллюстрации, макет, оформление.

Fortune Triumph Ltd., 2022

© Текст. Наследник, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-213777-8

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

В настоящий том Юбилейного собрания сочинений Евгения Викторовича Тарле входят его труды, посвященные героическому прошлому российского военно-морского флота конца XVIII — начала XIX в.: «Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774)»^{*}; «Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798–1800)»^{**}; «Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805–1807)»^{***} и книга «Город русской славы. Севастополь в 1854–1855 гг.»^{****}, посвященная Крымской войне и особенно героической обороне Севастополя в 1854–1855 гг.

Эти труды Е. В. Тарле написаны на основе тщательного изучения большого количества источников, прежде всего неизданных документов Центрального государственного архива Военно-Морского флота, Архива внешней политики России, Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (Санкт-Петербурге), Центрального государственного архива древних актов. Автор привлек также шканечные журналы, материалы фонда адмирала Спиридова, документы канцелярии адмирала Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой на Средиземном море и многие другие архивные материалы, например, мемуары участников событий и частные письма.

Считаем нужным привести выдержку из осторожных пояснений редактора М. И. Михайлова к соответствующему тому Собрания сочинений академика 1959 г. издания. «Русская дореволюционная дворянская и буржуазная историография, без всякой критики воспроизводя свидетельства русских и иноземных аристократов и сановных карьеристов при царском дворе, претендовавших на роль сподвижников выдающихся русских флотоводцев, во многих случаях искажала историческую правду.

Так, Е. В. Тарле подверг убедительной критике “Записки” князя Ю. В. Долгорукова, пытавшегося присвоить себе заслуги боевых

* Впервые опубликован в 1945 г.

** Впервые опубликован в 1945–1946 гг.

*** Впервые опубликован в 1948 г.

**** Впервые в этой редакции опубликована в 1954 г.

офицеров флота. Автор показал, что истинными творцами выдающихся побед военно-морского флота России были простые люди — матросы и офицеры,— отличавшиеся мужеством в бою и скромностью в описании своих подвигов. Он показал, что западноевропейская реакционная историография нарочито умаляет выдающуюся роль, которую сыграл русский флот в борьбе против вооруженных сил наполеоновской Франции на Средиземном море.

Нельзя, однако, не отметить, что отдельные положения этих работ Е. В. Тарле вызывают справедливые упреки со стороны советских историков. В частности, Е. В. Тарле недостаточно четко осветил вопрос об агрессивной сущности внешней политики и дипломатии царского самодержавия. Нельзя также признать правильным стремление автора доказать, что Ушаков превосходил Нельсона как флотоводец: оба они были выдающимися стратегами, но каждый из них был представителем своей школы, своего направления. Не всегда прав Е. В. Тарле и в оценке деятельности императрицы Екатерины II; в некоторых случаях он не доводит до конца анализ классовой сущности ее внешней политики и дипломатии. Но в целом труды Е. В. Тарле — большой вклад в изучение военно-морского прошлого России.»

Книга «Город русской славы. Севастополь в 1854–1855 гг.», вышедшая из-под пера академика в 1954 году, была приурочена к 100-летию начала тяжелейшей для России Крымской (Восточной) войны. Здесь Тарле широко обрисовал политическую ситуацию в мире накануне войны. Образовавшийся против России в 1854–1855 гг. враждебный союз крупнейших европейских стран вел против России войну и на Дунае, и на Кавказе, и у Соловецкого монастыря, и на Камчатке, и на Балтийском море, и в Крыму. Но наиболее трудное, грозное кровопролитное испытание пришлось вынести Севастополю. Е. В. Тарле подробно описал основные этапы и крупные сражения войны, в том числе битвы на реке Альме, под Балаклавой и Инкерманом, на Черной речке. Особо выделен героизм защитников Севастополя на фоне условий, в которых жили и воевали русские солдаты и моряки.

ЧЕСМЕНСКИЙ БОЙ И ПЕРВАЯ РУССКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В АРХИПЕЛАГ

I

Прежде всего следует заметить, что к 1769 г. международная обстановка для России сложилась благоприятно, и Екатерина сумела извлечь из этой дипломатической обстановки максимальную выгоду.

Некоторые современники говорили о русской императрице, что секрет ее вечных успехов — умение «разыгрывать» одну державу против другой. В данном случае ей удалось «разыграть» и выиграть свою сложную игру на вражде между Англией и Францией.

Угрожающим врагом была Франция, и именно поэтому главную роль в защите русского флота на его опасном пути взяла на себя Англия.

Французское правительство, руководимое Шуазелем, носилось в 1769 и 1770 гг. с мыслью выслать большой флот в восточную часть Средиземного моря и потопить эскадру Алексея Орлова. Испания согласна была в этом предприятии всецело помогать своей союзнице Франции.

Но Англия решительно этому воспротивилась. Из двух зол британский кабинет предпочел меньшее. Франция с ее реваншистскими намерениями относительно отвоевания Канады, с ее тенденциями воскресить в Индии агрессивную антибританскую политику Дюпле казалась англичанам в этот момент опаснее, чем Россия. Да и левантийская торговля была гораздо больше в руках французов, чем в руках англичан. При этом русские вовсе не были торговыми конкурентами Англии ни в Турции, ни в Европе, и нигде вообще, а, напротив, очень выгодными для англичан поставщиками превосходного корабельного леса, пеньки, льняной пряжи, смолы и других видов сырья. Французы же, в частности марсельцы, сбывали в Турцию и во все подвластные ей страны при помощи своего громадного торгового флота многие из тех

именно товаров, которые хотела бы туда сбывать Англия. Здесь совершенно необходимо напомнить, что Екатерина уже задолго до экспедиции в Архипелаг имела все основания рассчитывать на Англию.

Нечего удивляться тому, что к неприятнейшей для себя неожиданности граф Шуазель получил довольно решительное предупреждение от британского кабинета, что Англия не потерпит франко-испанского нападения на русскую эскадру. Могучую поддержку этой «русофильской» политике оказывал всегда Уильям Питт Старший (граф Чатам).

Он очень долго держался плана образования крепко сплоченного союза из России, Пруссии и Англии, направленного против франко-испанского соглашения. Совершенно ошибочное представление укрепило с легкой руки С. М. Соловьева в русской историографии и даже в учебной литературе, вроде университетских курсов, будто «северная система» родилась в голове русского посланника в Копенгагене барона Корфа, а затем эта система понравилась Панину и он «усыновил себе» ее по смерти Корфа¹.

Словом, выходит так, что Россия выдвинула проект такого союза. Это повторяет, с прямой ссылкой на Соловьева, и Н. Д. Чечулин в своей диссертации². Правда, Чечулин оговаривается: «Мысль о необходимости обезопасить себя союзами ввиду возможности агрессивных предприятий трех католических держав, связанных между собой договорами... вовсе не есть увлечение или фантазия, какой поддался только Панин; эта же мысль возникала и в Англии, и в Пруссии». Но эта оговорка Чечулина именно и доказывает, что он стоит все же на ложном пути в анализе вопроса о «северной системе». Вопрос об этом союзе Англии, России и Пруссии не только не был «увлечением или фантазией Панина», но вовсе не Панин был тут и инициатором. Эта мысль впервые появилась только в Англии и возникла еще до того, как окончилась Семилетняя война и как только Шуазель стал усиленно работать над привлечением Австрии к соглашению обоих Бурбонских домов — Франции и Испании.

Граф Чатам пропагандировал эту мысль еще задолго до воцарения Екатерины, и его огромное влияние не только в Англии, но и во всей Европе было направлено именно на создание северного союза, который мог бы подорвать значение версальского двора.

При этом Дания непременно должна была рано или поздно примкнуть к этому союзу трех великих держав: при своем положении на континенте, и особенно при обладании береговой полосой у Скагеррака и Каттегата, Дания должна была играть существеннейшую роль прямой морской связи между Англией, Пруссией и Россией при всяком предприятии этого будущего союза против Швеции, где влияние Франции было так сильно. Что же мудреного, если именно в Дании агитация графа Чатама и сторонников его программы должна была сказываться особенно сильно

Премьер-министр Великобритании
Уильям Питт Старший,
1-й граф Чатам
(1708–1778)

и иметь много приверженцев. Союз с Англией, Пруссией и Россией, если бы они приняли в свою среду Данию, мог бы принести маленькой державе очень значительные выгоды, обеспечивая ее от всегда почти враждебных ей ганзейских городов и от Швеции. Немудрено, что эта английская мысль так быстро привилась в Копенгагене и там же проникла в не очень мудрящую голову барона Корфа, который и переправил эту идею в Петербург в качестве собственного открытия: «...нельзя ли на севере составить знатный и сильный союз держав против Бурбонского союза?» и т. д. Мы видим, что даже и формулировка у него не русская, а английская: «бурбонский союз». Панин действительно ухватился за эту комбинацию. Но полной реализации этой мысли об англо-русском общем соглашении не произошло именно потому, что в Россия ухватился за нее больше всего только Никита Иванович, а императрица разглядела в этом «знатном союзе» одновременно с Англией и с Пруссией нечто такое, что сулило России в будущем весьма «знатные» неприятности и опасности.

В самом деле, чего желали граф Чатам и его парламентские друзья и в 1763, и в 1764, и в 1765, и наконец, в 1766 г., когда они развили особенную энергию в работе по реализации этой «се-

верной системы»? О чем хлопотал находившийся под влиянием Чатама кабинет, особенно лорд Сэндвич, статс-секретарь иностранных дел? Чего домогался лорд Бакингом, английский посол в Петербурге? И в эти первые годы царствования Екатерины и дальше, в течение всей Первой турецкой войны 1768–1774 гг., руководители английской политики, как бы они ни назывались, стремились к одной главной цели, сравнительно с которой все прочие их домогательства являлись второстепенными. Им нужно было втравить поскорее Россию в войну с Францией. За это они даже готовы были подарить России остров Минорку с захваченным ими Порт-Магоном, чтобы дать русскому флоту нужную стоянку на Средиземном море, заманить в это море на постоянное пребывание русский флот и вообще обеспечить прочно и надолго дипломатическую и военную помощь англичанам со стороны Екатерины уже не только против Франции, с которой Екатерина ссорилась из-за польских и турецких дел, но и против Испании, с которой Россия никогда не ссорилась и не имела ни малейших мотивов к ссоре.

Эта установка британской дипломатии сразу же стала ясна императрице, — и посол Бакингом очень скоро учуял, что «величавая, любезная, умная светская дама» (как ее именовали англичане в дипломатической переписке, когда не хотели называть по имени) поворачивает, куда нужно, важного, сановитого, принципиального, тугого графа Панина без всякого труда и притом с такой быстротой, что нельзя угнаться и вовремя обернуться; и уже преемник Бакингема, новый посол Джордж Макартни, представивший свои аккредитивные грамоты Екатерине в октябре 1764 г., нашел, к полному своему неудовольствию, что эта «светская дама» более «умна», чем «любезна», когда разговаривает о политических делах.

Но все-таки вплоть до конца турецкой войны (1768–1774 гг.) Екатерина держала себя так, чтобы не лишать британский кабинет надежд на будущее использование «северной системы» в английских, а не только в русских интересах. Слишком для нее драгоценна была в эти критические годы английская помощь.

Здесь не место говорить о тех общих причинах, которые в течение всего XVIII столетия вызывали упорную и активную борьбу французской дипломатии против русской экспансии. За-

метим лишь, что, в частности, французские купцы и промышленники смотрели на русское продвижение к Черному морю и на всякие угрозы турецким владениям как на прямую и серьезную опасность для экономических интересов Франции.

Если взять «нормальный», мирный год между двумя Русско-турецкими войнами (1783), то, как считало французское правительство, в среднем все европейские державы ведут с Турцией торговлю (как импортную, так и экспортную) на общую сумму в 110 млн ливров в год; из них на долю французской торговли приходится 60 млн ливров, а на все остальные страны, вместе взятые, 50 млн.

Не только в полной гибели Турции, но даже в утрате ею тех или иных земель французы во второй половине XVIII в. видели огромный для себя экономический вред и подрыв своего политического престижа.

Как давно уже выяснено во французской историографии, внешнюю политику королевства вели две параллельно действующие силы: официальный министр герцог Шуазель и лично король Людовик XV, действовавший через своего постоянного верного клеветника графа де Бройля.

Эта тайная дипломатия («*le secret du roi*» — «королевский секрет») иногда действовала в унисон с официальной, а иногда ей перечила и очень путала все расчеты Шуазеля³. Но в одном пункте они никогда не расходились: в упорном стремлении на всех путях становиться поперек дороги и всячески мешать Екатерине и в Швеции, и в Польше, и в Турции. Большие экономические интересы связывали французскую торговлю и промышленность с рынками турецкого Леванта, то есть со всеми странами, омываемыми Черным морем; интересы политические, борьба за влияние на севере и в центре Европы — все это заставляло Францию

Премьер-министр Франции
Этьен-Франсуа де Шуазель
(1719–1785)

старого режима энергично борются против России в Стокгольме и в Варшаве. Но борьба эта велась неумело, растерянно, часто очень необдуманно и бездарно.

Герцог де Бройль, глава «секретной» королевской дипломатии, заставил министра иностранных дел герцога Шуазеля назначить еще в 1762 г. резидентом в Варшаву ловкого и пронзительного агента Эннена (*Hennin*); в Константинополе сидел другой агент «секретной политики», граф де Верженн, в Швецию был отправлен граф де Бретейль, в Гаагу — д'Аврэнкур, в Петербурге действовал на скромных с внешней стороны ролях консул Россиньоль. Все они дружно и долго интриговали против политики Екатерины, организуя, снабжая деньгами и оружием польских конфедератов в Баре, подкупая направо и налево турецких сановников, подстрекая шведского короля к враждебным выступлениям против России.

Начиная примерно с 1767 г. министр иностранных дел герцог Шуазель (и до тех пор вполне согласно в этом вопросе действовавший с графом де Бройлем) выступил уже совершенно открыто в качестве инициатора коалиционного нападения на Россию. Он послал генерала Дюмурье с целым штатом офицеров и с оружием на помощь барской конфедерации и очень усилил нажим на Турцию.

Прежде всего «важно было иметь возможность бросить на тылы России не только Порту, но вместе с тем и прибрежные государства по Дунаю и Черному морю, в то время как скандинавские государства будут удерживать русских на севере». Так формулирует общую цель французской политики в конце 60-х гг. XVIII в. панегирист этой политики Анри Дониоль⁴.

Французские агенты всегда гордились тем, как им ловко удалось подстрекнуть турок начать агрессивную войну против России в 1768 г. Вот как Эннен, агент, действовавший в Польше, восторгается Верженном, интриговавшим против России в Константинополе: «Доверие Дивана не изменилось, и Верженн, когда ему было дано разрешение ввести турок в игру (*mettre les turcs en jeu*), в войну, для которой подали повод польские дела, — выполнил полученные им приказы, не компрометируя себя, не беря на себя ручательства за события, которые оказались такими, как он их предвидел»⁵.

Сражение при Кагуле.

Гравюра И. М. Вилла. Между 1770 и 1780 гг.

Другими словами, французская дипломатия толкала турок на войну против России, предвидя с самого начала, что из этого ничего для Турции хорошего не выйдет; важно было лишь помочь каким угодно способом Польше. Но и это тоже не удалось. Итак, турки были «введены в игру».

Не только сама Екатерина, но даже враждебные России государства признавали, что, бесспорно, в 1768 г. Турция мало того что формально первая объявила войну и напала на Россию, но и на самом деле всячески провоцировала эту войну и решительно стремилась к открытию военных действий. А французский министр герцог Шуазель, не стесняясь, хвалился тем, что так ловко подстрекнул турок к началу военных действий. Французы действовали совершенно открыто, так же как польские конфедераты, ведшие в тот момент войну против России. А Пруссия и Австрия, также содействуя по мере сил скорейшему нападению турок на Россию, придерживались гораздо более прикровенного (тайного, скрытого. — *Примеч. ред.*) образа действий.

Словом, турок обнадеживали со всех сторон. Субсидий на войну турки, впрочем, в сколько-нибудь стоящем упоминания раз- мере не получили, но зато великий визирь и рейс-эффенди (ми-

Императрица и самодержица
Всероссийская
Екатерина II Алексеевна
(1729–1796)

нистр иностранных дел) были осыпаны подарками со стороны версальского двора. Даже и от польских конфедератов им перепадало, хотя шедшие оттуда деньги, к живому прискорбию константинопольских сановников, в значительном проценте застревали по дороге в карманах передатчиков.

25 ноября 1768 г. русского посла Алексея Михайловича Обрезкова с главным персоналом посольства (11 человек) позвали к великому визирю, и тут Обрезкову был объявлен ультиматум: Россия должна, во-первых, немедленно

вывести свои войска из Польши и обязаться не вмешиваться в польские дела, то есть в борьбу за уравнивание прав православных с католиками. Мотивировалось это требование тем, что русско-польская война, происходящая на границах Турецкой империи, привела к разграблению казаками пограничных турецких городов: Балты и Дубоссар. Обрезков отказался наотрез. Тогда он со всеми товарищами был немедленно арестован и заключен в Едикуле (Семибашенный замок). Все это было подстроено, чтобы сразу же сделать невозможным мирный исход.

Началась война, которой, однако, суждено было окончиться совсем не так, как надеялись Оттоманская Порта и ее друзья.

Екатерина уже очень скоро после начала военных действий ухватилась за мысль, поданную первоначально, по-видимому, Алексеем Орловым и поддержанную Григорием Григорьевичем, его братом. Эта мысль заключалась в том, чтобы напасть на Турцию с моря и с суши — на юге Оттоманской империи — и этим создать диверсию, которая облегчила бы операции П. А. Румянцева на севере, то есть в Молдавии и Валахии.

Наметился и план ближайших действий: возбуждение восстания среди христианских народов на Балканском полуострове,

в первую очередь среди греков (в Море) и среди черногорцев, и посылака для поддержки этого восстания и для действий против турецкого флота русских военных эскадр в Архипелаг.

Перед посылакой экспедиции в Архипелаг отношения между Шуазелем и Екатериной обострились до неслыханной степени. Князь Дмитрий Алексеевич Голицын, русский посол при версальском дворе, узнав, что французское правительство воспретило к вывозу во Францию «Наказ» Екатерины, писал вице-канцлеру князю А. М. Голицыну 2 ноября 1769 г.: «Как бы ни был я этим возмущен, я, однако, не удивляюсь. Чего-то не доставало бы этому произведению, если бы оно получило одобрение французского министра, уже давно занявшего позицию человека, порицающего, осуждающего и воспреещающего к вводу во Францию всего, что хорошо, благородно и полезно человечеству. Могла ли бы такая мелочность занимать душу министра разумного? Неужели он (Шуазель — *Е. Т.*) не может взять в толк и сказать себе, что все, исходящее от него, нисколько нас не задевает. Однако ничто не может быть яснее этого, и императрица много раз это доказывала»⁶.

Воспреещение написанного Екатериной «Наказа» (признанного слишком «революционным» для Франции) было естественным добавлением к таким актам Шуазеля, как открытая военная помощь барским конфедератам в Польше.

После этих проявлений нескрываемой вражды можно было опасаться внезапных нападений со стороны французского и испанского флотов на эскадры Спиридова, Эльфинстона и Арфа, последовательно выходивших из Кронштадта и направлявшихся в Архипелаг.

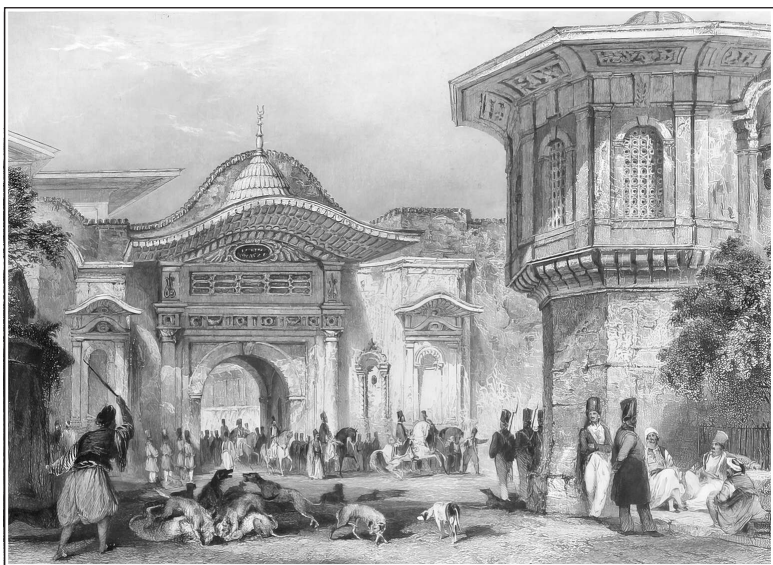

Г Л А В А I.

6.
 П *Р*оссія естъ Европейская держава.

7. Доказательство сему слѣдующее. Перебѣны , копорыя въ Россіи предпріял ПЕТРЪ Великій, пѣмъ удобнѣ успѣхъ получили, что нравы бывшіе въ шо время со всѣмъ не сходствовали со климапомъ, и принесены были къ намъ смѣшеніемъ разныхъ народовъ, и завоеваніями чуждыхъ областей. ПЕТРЪ Первый, вводя нравы и обычаи Европейскіе въ Европейскомъ народѣ, нашелъ погда такія удобности , какихъ онъ и самъ не ожидалъ.

Страница из «Наказа»
 Екатерины II

Высокая Порта (ворота) во времена Османской империи.

Гравюра Т. Аллома из книги Р. Уолша

«Константинополь и виды семи церквей Малой Азии». 1838 г.

Французы знали от своего деятельного и очень осведомленного агента в Турции барона Тотта (о котором так язвительно писала Вольтеру ненавидевшая барона Екатерина), что турецкие корабли во многом хороши, но что у них есть такой тяжелый изъян, как неуклюжий и медлительный руль, как неповоротливость, как плохая, устаревшая артиллерия, как неустойчивость из-за слишком высоких бортов. Но во всех этих бедах французы (и прежде всего сам же барон Тотт и постоянно приезжавшие в Турцию французские офицеры и инженеры) пытались еще по мере сил помочь и помогали. Однако изменить безобразные порядки, царившие в турецком флоте, французы не могли. Впоследствии некоторые из них признавались, что им не удалось в борьбе против России два дела: научить поляков военной дисциплине и убедить турок, что на военных кораблях должен командовать не тот, кто больше уплатит капитану-паше и его клевретам за получение этой должности, а тот, кто более достоин ее.

Изо всех сил стремясь воспрепятствовать русскому флоту пройти из Балтийского моря в Средиземное и имея на то мате-

риальную возможность, Шуазель не имел политической возможности это сделать: во-первых, мешали ему англичане; во-вторых, затевать новую большую войну не позволяли финансы.

Екатерина это учла и решила организовать эту труднейшую и опаснейшую экспедицию. Когда уже все было кончено и турецкий флот покоился на дне Чесменской бухты, между русским послом в Париже Хотинским и новым французским министром иностранных дел герцогом д'Эгильоном произошел (в апреле 1772 г.) необыкновенно интересный разговор:

«В самом деле, господин герцог, вам бы следовало оказать услугу туркам, как и всему человечеству, убедив Порту быть более склонной к примирению», — сказал Хотинский. В ответ на это герцог д'Эгильон разоткровенничался совсем не по-дипломатически: «Как вы хотите, чтобы подали (Турции. — *Е. Т.*) такой совет, когда ведь мы сами подтолкнули турок начать войну? Впрочем, наш кредит не очень большой. Мы сделали глупость, допустив проход вашего флота»⁷. Спустя некоторое время герцог д'Эгильон уже совсем откровенно и точно объяснил, почему Франция и впредь будет бороться против России на Востоке: «Европейское равновесие легко могло бы быть нарушено, если бы вам (русским. — *Е. Т.*) удалось предписать (*prescrire*) туркам мир на следующих трех условиях: свободное плавание по Черному морю, порт на Черном море и независимость татар. Обеспечив за собой такие преимущества, вы скоро очутитесь в Константинополе, и кто мог бы вас оттуда удалить (*déloger*)?»⁸

II

Позиция английского правительства в этот критический для планов Екатерины момент имела поистине первостепенное значение. Даже если бы Англия осталась просто в позиции враждебного нейтралитета, императрица и Алексей Орлов должны были бы признать полную неисполнимость экспедиции в Архипелаг, потому что союзники турок французы ни за что не пропустили бы русский флот.

Но в том-то и дело, что помимо общих соображений, связанных с постоянным антагонизмом между Англией и Францией, у британского кабинета явилось в тот момент еще одно особое основание, по которому крайне желательно было появление русской эскадры на востоке Средиземного моря.

Англичане стремились всегда, и особенно во второй половине XVIII в., создать себе, кроме морского пути в Индию мимо мыса Доброй Надежды, еще и комбинированный сухопутно-морской путь по Средиземному морю, Нилу, затем сухим путем от Каира к Суэцу и от Суэца морем в Индию. А между тем именно о том, чтобы устроить для французской торговли этот самый путь, сильно думали и французы.

Овладение Египтом, номинально принадлежавшим Турции, — вот к чему уже тогда стремилась французская дипломатия. У французов даже создалась оригинальная теория: в благодарность за то, что Франция всячески мешает русским завоеваниям за счет Турции, турки должны уступить французам Египет. «Разве было бы удивительно, если бы Порта согласилась, в знак признательности, уступить нам страну, уже отделенную от (Оттоманской — Е. Т.) империи или, по крайней мере, дать нам право свободного плаванья по Красному морю?» — писал анонимный автор «*Considérations politiques*» в 1783 г.⁹

Но принялись об этом мечтать французы уже после 1763 г., когда они окончательно должны были уступить англичанам Канаду. «В глазах версальского кабинета Египет был новым полем битвы против Англии; в случае занятия его нашими морями или при организации прохода через него наших караванов Египет должен был компенсировать потерю Канады или, по крайней мере, открыть прямой путь в сорок восемь дней из Марселя в Бомбей», — говорит Пэнго, биограф Шуазеля — Гуфье¹⁰.

Если мы примем все это во внимание, то пойдем без всякого труда, почему Англия была прямо заинтересована в том, чтобы русский флот, явившись в восточной части Средиземного моря, отвлек и французов и турок от Египта к Морею, от интересов